

Попытка понимания: Лекция В. Бибихина о Л. Витгенштейне

DOI: 10.17323/2587-8719-2021-1-182-200.

Владимир Вениаминович Бибихин широко известен в России благодаря многочисленным переводам с иностранных языков художественной литературы, религиозных и философских текстов, но на этом его значительный вклад в отечественную культуру, в философскую мысль не заканчивается. В течение двух последних десятилетий продолжают издаваться уникальные философские работы В. Бибихина, большую часть этих текстов составляют его лекционные курсы. Лекции, прочитанные им в период 1989–2004 гг., были авторскими; многие из курсов имеют названия, отличающиеся от привычных для студентов и принятых в университетской и академической среде: «Мир», «Язык философии», «Лес», «Пора», «Правда». В их число вошли два курса, посвященные философии Людвига Витгенштейна, один из которых назывался «Витгенштейн» (1994–1996 уч. г.), другой, более поздний — «Витгенштейн: попытка понимания» (2002–2003 уч. г.). Оба курса лекций, прочитанных В. Бибихиным в МГУ, впоследствии легли в основу его книги «Витгенштейн: смена аспекта», а лекции 1994–1996 гг. были опубликованы в книге «Витгенштейн. Лекции и семинары». Состоявшиеся в 2002–2003 уч. г. лекции, посвященные философии Л. Витгенштейна, ранее не публиковались. Расшифровка первой из них, лекции 10 сентября 2002 года, публикуется впервые и основывается на сохранившихся аудио-файлах, размещенных на сайте, посвященном творческому наследию В. Бибихина (<http://bibikhin.ru/sound>).

Основной текст публикации разделен на две части, это связано с обрывом записи внутри аудиофайла и ее более поздним возобновлением; каждая из частей соответствует одному из аудиофрагментов. Другие особенности работы над расшифровкой связаны с оформлением цитат из «Логико-философского трактата» и «Философских исследований». В сентябрьской лекции 1994 года В. Бибихин уточняет издание, по которому он читает Л. Витгенштейна: «Я его читаю по восьмитомнику „Werkausgabe“, Suhrkamp, Taschenbuch, Wft, Frankfurt am Main

1984...» (Бибихин, 2019: 7) В. Бибихин не ссылается на опубликованные к тому моменту русскоязычные переводы Л. Витгенштейна; таким образом, приводимые в тексте цитаты на русском языке больше нигде, кроме самих лекций, не встречаются. К счастью, лекции В. Бибихина 1994–1996 гг. существуют в письменном виде и имеют большую ценность для расшифровки аудиофайла. В данной расшифровке цитаты оформляются по принятым правилам оформления цитат, но, поскольку они не отсылают нас ни к какому конкретному источнику, они снабжены комментариями, отсылающими к соответствующим местам в опубликованных источниках.

Несмотря на существующие соответствия, промежуток между более ранним и более поздним лекционными курсами составляет чуть менее десяти лет. После многолетнего перерыва между чтением курсов В. Бибихин в вводной лекции 10. 09. 2002 г. обозначает центральные темы в философии Л. Витгенштейна (тему тождества, тему смены аспекта, тему невозможности классификаций, тему цвета). Важно отметить, что темы, обозначенные В. Бибихиным как срединные в философском наследии мыслителя, предложены им не как альтернативные по отношению к уже существующим. В. Бибихин исключает для себя возможность рассмотрения философии Л. Витгенштейна в рамках одного из направлений философии («логический эмпиризм», «аналитическая философия»), он выступает с критикой в отношении попытки вплетения неопределившейся мысли Л. Витгенштейна, мысли, находящейся в поиске выхода из ловушки, освобождения, в определенные рамки. Лекции В. Бибихина позволяют мысли Л. Витгенштейна жить, а внимательным слушателям курса — сменить аспект.

Лекция 10. 09. 2002 г. из курса «Л. Витгенштейн: попытка понимания», расшифровка которой публикуется впервые, является вводной. Всю лекцию сопровождают рассмотренные в единстве жизненный опыт австрийского мыслителя и его философия. Жизнь Л. Витгенштейна определяется автором лекций как «жизнь на общих основаниях», «молчащая» и «тайная жизнь». Неустойчивость, ненадежность нашего положения в мире в философии Л. Витгенштейна оказываются тем импульсом, от которого нужно отталкиваться при построениях. Бибихин, рассматривая философию как обращение внимания, замечает сходство между темой смены аспекта у Л. Витгенштейна и поворотом (*die Kehre*) у М. Хайдеггера. Всякое живое существо, внедряющееся в новые пространства посредством наступательных движений, находится в ловушке ума. Лишь внезапный, ничем не обеспеченный поворот ума

может позволить освободиться из тюрьмы, из мухловки, из комнаты, дверь в которую всегда открыта. Цель философии Л. Витгенштейна — показать мухе выход из мухловки, однако для этого освобождения не существует ни инструкции, ни указания.

Я очень благодарна О. Е. Лебедевой за помощь в работе над расшифровкой и за разрешение публикации, а также А. В. Михайловскому за советы, поддержку и за возможность публикации текста.

В. Д. Ярлова,
студент магистратуры (НИУ ВШЭ)

Владимир Бибихин

Л. ВИТГЕНШТЕЙН: ПОПЫТКА ПОНИМАНИЯ*

ВВОДНАЯ ЛЕКЦИЯ (10.09.2002)

1

Цель его [т. е. курса] не рассказ о Витгенштейне (я это могу делать в меньшей мере, чем другие люди, знатоки его), а обращение внимания на такие его темы, которые занимают срединное место в современной мысли. Это тема тождества, в первую очередь; «того же самого», «того самого» или просто «того»; как мы говорим «это то» или «это не то». Это главная его тема и, по-моему, она остается главной темой и современной, и всякой мысли. Тема смены аспекта — непредвиденной, неподготовленной, как бы беспричинной смены нашего зрения (наших глаз), каким мы смотрим на отдельные вещи и на мир в целом. Мир может казаться нам сегодня прекрасным, завтра ужасным. Докопаться до причины этой смены трудно. Это его тема — *Aspektwandel*, запишите, это вторая тема после тождества. Иногда полезно вместо «тождество» говорить «тожество», так иногда пишут и делают для того чтобы не упускать из виду, что тождество — это простое пребывание того же самого, возвращение или воспоминание того же самого. Третья тема Витгенштейна, которую я хочу подчеркнуть, это отсутствие классов,

*© Философия. Журнал Высшей школы экономики. Публикация: © Бибихин: nasledniki; Василина Д. Ярлова (ORCID: 0000-0002-5994-1871). Расшифровка материала с: *Бибихин В. В. Л. Витгенштейн: попытка понимания* : [аудио-записи курса лекций, прочитанного в 2002–2003 гг. в Московском государственном университете им. Ломоносова (Москва)] / Владимир Бибихин. — 2002–2003. — URL: <http://bibikhin.ru/2033/page/8> (дата обр. 31 янв. 2021) — Лекция (10.09.2002). Части 1 и 2.

невозможность классифицировать вещи, то есть приравнивать их, относя к одному типу, к одной группе. Витгенштейн доходил до того, что не признавал классы даже в математике. Об этом отчасти сегодня. И витгенштейновская тема цвета, тоже его удивляющая. Это тема цвета, которая с самых ранних его дневниковых записей и до последних работ у него присутствует.

Витгенштейн ставит под вопрос, занимается, начинает думать над нашим непосредственным положением в мире. Наша ситуация, как мы знаем, ненадежная. Надежного утверждения не хватает. Говорим мы часто безответственно и еще чаще безответно, наши слова падают куда-то в никуда. Наша речь, во всяком случае, не безусловна. И с этим он работает. Он принимает эту ситуацию как она есть, не пытаясь вырваться из нее в какие-то построения или конструкции метафизические, заоблачные. Если мы ощущаем свою необеспеченность, оказываемся вот в этой неопределенности начальной, то мы заодно с Витгенштейном, он это чувствует, с этого и начинается его работа. Неустойчивость нашего положения может заставить и часто заставляет спешно, панически искать опоры, «утверждения на столпе истины» (нарочно цитирую название книги Флоренского). Витгенштейн видит, что этот первый импульс, непосредственный импульс отталкивания от неопределенности в поисках почвы, вводит неопределенность во все наши будущие построения. Надо работать с необеспеченностью самой по себе. Догма — это тупик, догма не допустит своего опровержения. Скепсис — тоже тупик, потому что он всегда сможет оправдать себя, всегда сможет найти основания для своего неверия ни во что. Сжиться с с догматикой, и со скепсисом очень просто. Впасть в них легко, расстаться с ними трудно. Незнание, наоборот, незнание, *что* мы говорим, *как* мы говорим и *зачем* мы говорим, неумение вписать себя в заданную секту... сетку смысла (я сказал «секту», это хорошая оговорка) выдает нашу нищету духовную. Витгенштейн зовет вернуться к этой нашей человеческой бедности. Паническому самоутверждению он не поддается, для него это разновидность шокового состояния (с которым, кстати, он был хорошо знаком по обстоятельствам жизни).

Интересно, что он родился в том же году, что Хайдеггер, в 1889 году, в Вене — там он получил начальное образование, хорошее, базовое (вообще город тогда еще не пошатнувшейся имперской утонченной культуры), — в очень богатой семье Карла Витгенштейна (который был ни больше ни меньше как организатор сталелитейной промышленности в Австро-Венгерской империи; и его коллеги — это в Америке Эндрю

Карнеги, а в Германии Крупны, сталелитейщики немецкие). Он получил хорошее домашнее образование, потом учился в Высшей технической школе. И это была эпоха прогресса, веры, основательной веры в науку, в машину, в систему. Можно представить, как это должно было его захватить, — сына такого отца. И со стороны матери — музыкальное образование; в дневниках, во всех текстах, во всех записях Витгенштейна — обратите внимание, если будете читать, какой профессиональный уровень замечаний о музыке: когда ему однажды приснился музыкальный сон, он записал его нотами (мелодия приснилась). Учился он инженерному делу недолго. В Берлине сначала, в центре тогдашней инженерии. Недолго, потому что очень быстро от математики и логики он перешел к их основаниям и к философским проблемам.

Учеба была сорвана началом войны. Он пошел добровольцем на фронт. Это его удивительная черта: он жил на *общих* основаниях. От наследства он отказался (очень приличное наследство: по теперешним деньгам это миллионы), раздав стипендии поэтам и деятелям культуры. Интересно, что часть этих денег досталась Рильке, поэту. провёл четыре года на войне и потом год в плену в Италии. Кстати, во время Второй мировой войны он опять пошел, на этот раз уже не на фронт, а в медицинскую службу (санитарную), в Англии служил во Вторую мировую войну. В Англию он переселился окончательно, после учебы там (сначала он учился в Берлине, потом в Оксфорде), окончательно около 1930 года. А после армии — опять же на *общих* основаниях (поскольку новая Австрия, уже не империя, высоко ставила проблему образования) — он пошел в деревенскую школу, преподавать там, и несколько лет там преподавал.

Надо знать, что Витгенштейн уникальным образом молчит, о всём главном он молчит. Всё, что он говорит, можно рассматривать как сбережение того, о чём невозможно сказать. Он *никогда* не заведет речь об интимном. *Что* произошло, когда он в начале военной службы, когда еще на фронте было более-менее спокойно, прочел Льва Толстого, *какое* это было переживание, он об этом не скажет никогда. Деррида замечает где-то в одном месте, что метафизика, философия не говорит о главном, об интимном — об отношении к женщине. По поводу Хайдеггера он это говорит: где у Хайдеггера тема феминистская, где тема женщины? И ответ практический на это недоумение Жака Деррида — вся жизнь Витгенштейна. Это и вы заметите, об этом я еще буду говорить. Эта речь — отстраненная речь — была параллельно абстракции, абстрактной

живописи, абстракциям новой музыки, она сложилась у Витгенштейна рано, интуитивно. Я пропускаю детали, о которых много говорят в последнее время (обнаружены его ранние дневники). Если хотите, я потом к этому вернусь. Тайная жизнь, молчащая жизнь. Пожалуй, что единственный раз, когда он говорил о себе интимно — перед самой смертью, когда он сказал другу, который был при его постели: «Скажите им, что я прожил счастливую жизнь»¹. И это надо было сказать, потому что для взгляда со стороны... это человек, который во время года учительствования в Австрии, в сельской деревне, скажем, варил себе постоянно овсяную кашу из одного и того же котелка, так что в конце концов там уже оставалось (от нагара) очень мало места для самой этой каши; или который явно метался, занимаясь сначала одним, потом другим. Бросал. Все его писания фрагментарны. В последние годы был неизлечимо болен (после отказа от наследства — безденежным). Для постороннего взгляда скрыто это, скрыто то, что приводило его в движение, так что он должен был в конце концов один раз в жизни сказать это. Потому что даже самые близкие и окружающие мало видели, *что* им движет, *что* может быть причиной его счастья. Вот эта цитата: «Передай им, что у меня была прекрасная жизнь...»² (за несколько минут перед последней потерей сознания). Он как бы обязал, связал себя после вот этих вот дневников, которые, он считал, что они уничтожены (сестры каким-то образом сохранили; это совсем ранние дневники), он связал себя строгим логическим словом, выдержанным — уникальная выдержанность, неподражаемая. И берется собственно *это* в нем. Его философию называют «логический позитивизм», «логический эмпиризм», «аналитическая философия» (имеется в виду логический анализ) или «лингвистическая философия». Всякая *серьезная* попытка вчитаться в него делает все эти рубрики какими-то сомнительными, они начинают шататься. Как лингвистическая философия, значит, всё время о языке? С самого начала, вот об этом сегодня и говорю, он подчеркивает, повторяет, что слово никогда не одно. Слово — это то, как его употребляют, оно живет внутри практики, внутри действия. Тогда, значит, это не лингвистика, а прагматизм? С прагматизмом тоже есть связи. Ни к одной рубрике он из этих не относится.

¹На последние слова Л. Витгенштейна В. Биbihин ссылается, опираясь на «Мемуар» Нормана Малкольма, об этом он пишет в лекции 06.09.1994 года (Биbihин, 2019: 8).

²В данном случае В. Биbihин также ссылается на последние слова Л. Витгенштейна (там же).

И другая трудность, или *та же самая* трудность его чтения — это, что он не подскажет, не научит, не поможет. Предисловие к «Логико-философскому трактату», программному... Да, кстати, его отношение к жизни на общих основаниях: он напечатал за всю жизнь, в сущности, только одну эту коротенькую книжку — «Логико-философский трактат»; после этого он написал *тридцать тысяч* страниц (в его архиве сейчас лежат, в Финляндии). И его, разумеется, после этой коротенькой маленькой книжки весь мир уже знал; его, разумеется, уговаривали напечатать что-то. Последнюю книгу он готовил десять лет (в 35 лет он начал писать заготовки, напечатал в 45-м году, «Философские исследования»; почти нехотя, тоже во фрагментах). И вот предисловие к «Логико-философскому трактату» начинается с требования: «Эту книгу, наверное, только тот поймет, кто мысли, выраженные в ней, или подобные мысли, уже сам однажды подумал»³.

Надо *попробовать самому*, спотыкаясь, ошибаясь, заходя в тупики, думать не по рельсам, не по ниточкам, думать самому. И тогда вы у Витгенштейна найдете не ответы (упаси Господь, он сам их не знает), а поддержку. Подумать, кстати, научить думать, Витгенштейн тоже не научит. Кстати, в том же предисловии к «Трактату» он говорит: «Эта книга не учебник»⁴. К ним каждый должен прийти неким образом сам.

Знаменитый афоризм 309-й из этого всё-таки подготовленного им сборника «Философские исследования»: он спрашивает о своей цели в философии. Она в том, чтобы показать мухе выход из мухоловки (это такое стеклянное приспособление, несложный лабиринт, на Западе — у нас я не видел, — куда муха зайти-то может, а вот обратно уже ей трудно). Выход из нее всегда открыт, мухе достаточно просто теми же лапками пройти обратно по тому же самому пути. Но увлекает прогрессивное, наступательное, поступательное движение. Живое существо, всякое живое существо устроено так: оно *внедряется* в пространство, это в порядке вещей; оно внедрилось уже *очень* далеко в это пространство. Это движение *естественно*, а противоположный ход — назад, освободительный жест — необычен. Ему и научить тоже нельзя. Статус философии странный. Другое, тоже не менее знаменитое высказывание

³Цитата приводится из «Предисловия» к «Логико-философскому трактату», о чем упоминается в лекции В. Бибахина об. 09. 1994 года (Бибахин, 2019: 10).

⁴Данная цитата приводится В. Бибахиним из «Предисловия» к «Логико-философского трактату» Л. Витгенштейна.

Витгенштейна. Вот, говорит он, у человека проблема, человек ищет выход из комнаты, тут четыре стены:

Человек, запутавшийся в философской проблеме, подобен человеку, который хочет выбраться из комнаты, но не знает, как: он пробует через окно, но оно слишком высоко; пробует через камин, но он слишком узок. Если бы он только повернулся [это запись по-английски — «turn around»], то увидел бы дверь, которая всё время была открыта⁵.

Оба случая: муха в лабиринте и заключенный в, хотя и в самодельной, тюрьме — для спасения требуется *несложный* шаг, который не дается именно из-за своей простоты, из-за *радикального* отличия от наступательных движений, которыми привычным образом занято живое существо. Его главное дело в философии, главное дело *всякого* человека, по его убеждению, это дело побега из тюрьмы; и он не считает, что он знает, как оттуда бежать, он скорее разделяет участь мухи. Хайдеггер называет Витгенштейна вот этим человеком, который стоит в комнате, за спиной которого открыта дверь, достаточно пройти в нее, он не выходит. В чём проблема? Витгенштейн *знает*, что дверь открыта, достаточно повернуться. Но его читатели это тоже знают. Хайдеггер, его задача в философии — *die Kehre* (поворот). Та же самая, что у Витгенштейна. Но ведь повернуться, сделать шаг назад через дверь, казалось бы, проще, чем протискиваться через каминную трубу? Нет, всё нацелено у человека на деятельность вот того, что я сказал, — наступательного фронта. Проблема требует принятия дополнительных мер, тем самым проблема еще усложняется, ситуация становится еще труднее. Легкая трудность философии в том, что витгенштейновский и хайдеггеровский поворот требуют изменения ума. Для такого изменения ума плана и указания нет. Всякая инструкция, всякое указание только упрочат теперешнее состояние, усложнят ситуацию ума до поворота. Поворот ума принадлежит к событиям, которые не поддаются расчету.

И вот еще из... — я сказал, что о биографии его я говорить не буду — один эпизод биографии: за три года до смерти он бросает преподавание. Не от болезни, а потому, что говорит студентам: я вас порчу, ничего не получается, научить ничему не удастся...

И едет в Ирландию, там он буквально сидит у моря и ждет погоды (на Западном побережье Ирландии, около моря), ждет озарения.

⁵В лекции об.09.1994 года В. Бибихин указывает, что цитата приводится им из «Мемуара» Н. Малкольма (Бибихин, 2019: 10).

Озарение не приходит. Он догадывается, что, может быть, его болезнь, неизлечимая болезнь, рак — причина. Вдохновения нет, он снова близок к нервному срыву (как много было раз в жизни), близок к самоубийству (два его брата кончили жизнь самоубийством). Голова у него болит, желудок расстроен. Другие беды, он о них говорит мало — работа, главное, не идет. Он себя подстегивает: «Ну ничего не поделаешь, стало быть, пришла старость [ему уже шестьдесят лет], да, наверное, и с самого начала мой талант был невелик: если жизнь рушится в пропасть, то туда тебе и дорога»

Некоторые яблоки так никогда и не созревают: сначала они твердые и кислые, а потом сразу становятся мягкими и дряблыми. Мой философский талант сейчас кончается, это большое несчастье, но это так [то есть тот маленький, который был]⁶.

Опять же, это говорит человек, у которого тридцать тысяч рукописей: любую бери, издательство возьмет. Участвуй в конференциях, тебя приглашают (каждый год по несколько раз). Ему надо что-то другое, надо такое, чего он сам устроить не может, что *дается*, без чего жить нет смысла. И вот, после мучительного ожидания — он не срывается в паническое принятие мер, он, для всякого постороннего глаза абсурдно, всё так же продолжает сидеть и чего-то ждать, разумеется, читая в это время, разговаривая с друзьями, — приходят несколько счастливых недель в ноябре и декабре 1948 года, тоже в Ирландии. Он вдруг обнаруживает, что работать *может*, и три месяца подряд он пишет и заканчивает последнюю книгу «О достоверности». Попеременно отчаяние сменялось вот этим необъяснимым счастьем, которое он уже не мог сравнить с счастьем никакого другого человека до самой смерти.

Вот уже 1951 год, он знает, что умирает, примерно знает, когда умрет. Его врач, доктор Биван⁷, приглашает его прийти умирать к себе в дом, в Кембридже. За десять дней до своего шестьдесят второго дня рождения, за тринадцать дней до смерти, он пишет другу:

⁶В данном случае в свободной форме передаются слова Л. Витгенштейна, которые приводит в своей книге воспоминаний «Мемуар» Н. Малкольм (цит. по Биbihин, 2019: 11).

⁷В данной публикации используется тот же вариант фамилии врача Л. Витгенштейна, который встречается в лекциях В. Биbihина 1994–1996 гг. (там же: 12). Можно столкнуться с другим вариантом перевода этой фамилии в биографии Витгенштейна, написанной Р. Монком. Например: «Им владел разрушительный страх смерти в английской больнице, но Беван пообещал, что при необходимости Витгенштейн проведет последние дни в его доме» (Монк, Васильева, 2019: 576).

Со мной произошло что-то из ряда вон выходящее: приблизительно месяц назад я неожиданно обнаружил, что состояние моих интеллектуальных способностей таково, что я могу заниматься философией. Раньше я был *абсолютно* уверен... [то есть после того ирландского подъема в Дублине уже был период долгой неспособности ничего сделать, и вдруг опять, за месяц до смерти] ...я был абсолютно уверен, что никогда этого не смогу. Впервые после двух с половиной лет с моего мозга спала пелена. Конечно, такая работа всего где-то пять недель, и к завтрашнему дню всё может кончиться⁸.

И вот *что* это было в последние недели жизни, остается загадкой, тексты не опубликованы. Тот его друг, который в мемуарах записал эту предсмертную правду — «передай им, что у меня была прекрасная жизнь»⁹ — замечает, что ему эти слова кажутся полными тайны и волнующими. Откуда приходит, куда уходит мысль, Витгенштейн не знает. «Мистическое» (*das Mystische*) одно из важных слов у него, но он не мистик. О мистике он говорит логически, почти формулами. Он задает загадки на *каждой* странице и самому себе тоже. Если ему *удается* загадать интересную загадку, он доволен; большего он не хочет. Они отрешенно чистые, *вызывающе* чистые. Потому что век идеологический; о той же самой мистике Блаватская и кто угодно пишут книги. Он обязан об этом молчать; поскольку другие говорят, он хранит тайну. И вот в той же мере, в какой он зашифрован в этих своих загадках от исследователей, в той же мере я о себе, любой говорящий о нем обязан сказать, что *преподавать* его философию невозможно. Как преподавать человека, который сам про себя говорил, сам ушел с кафедры, говорил о себе: но я чудовищный преподаватель, я порчу вас, господа, я никуда не гожусь¹⁰.

⁸В. Биbihин приводит слова из письма Л. Витгенштейна Н. Малкольму, оно было написано за 13 дней до смерти, об этом В. Биbihин пишет в лекции 06.09.1994 года (Биbihин, 2019: 12).

⁹В данном случае В. Биbihин снова приводит последние слова Л. Витгенштейна из «Мемуара» Н. Малкольма, об этом он упоминает в лекции 06.09.1994 г. (там же: 8).

¹⁰Можно сравнить с фрагментом из лекции В. Биbihина 06.09.1994 года: «Вот это единственный способ: Витгенштейн сделал и сказал то, что он сказал и сделал, единственно, уникально; другого способа сделать и сказать этого нет, он ускользнул от усилий установить его. Поэтому строго говоря его невозможно преподавать, не больше ли зла получается от преподавания чем добра, — но и Витгенштейн не умеет преподавать; я порчу вас господа, я свое преподавание прекращаю (иногда на самой лекции он выкрикивал в горе, „но я чудовищный преподаватель“⁴, никуда не годный), просто ухожу, в Ирландию в Гэлвейский залив, в отель в Дублине; ни в каких не в интеллектуальных занятиях дело, говорил он, но много ли этим сказано позитивно? дело в этике и мистике» (там же: 13).

Это как бы входило органической чертой в его учение, эта искренность. Академическая система лекций и дискуссий переводила всё в план интеллектуальных упражнений. Всё решалось на глубине мистической, этики. (Кстати, Франсуа Федье преподает не в университете, а в лицее, и в Сорбонну он ни ногой; он считает, что академическая система мира, вся система конференций философских, абсолютно бесперспективна, это полный тупик. Нужно начинать с начала, с чего-то другого.)

Станным образом, ему мешало то, что, почти ничего не напечатав, он был мировое имя, и ему позволялись любые странности. Нестандартные приемы говорения, преподавания проглатывались с излишней готовностью: «как же, когда говорит *такой* человек». Заранее готовое вежливое согласие со всем, что он говорит, так, как теперь заранее уважение ко всему, что напечатано из его вещей, ведет к *упрощенной* рецепции. Вот эта обволакивающая университетская всепонимающая среда проглатывала странности Витгенштейна, его загадки. Была надежда, что удастся как-то его в конце концов разложить на логико-философский, этический, мистический компоненты, но *почему* у него всё это вместе? А его жизненная ценность не допускала этого отравления. И до сих пор, к счастью, историографическая машина его не смогла обработать. Опять идет спор между его онтологическим, метафизическим пониманием, континентальным, так сказать, и островным, аналитическим, чисто логическим.

Он говорит много о игре, о языковой игре, и свои загадки тоже разворачивает в стиле игры, очень часто которая кажется слишком примитивной или иногда абсурдной. Но стоит вчитаться, и видишь — это же бездонная глубина, господа. И в том, что он философствует в загадках, есть черта архаики. Греческая архаика любила загадки и часто говорила, как у Гераклита, вот таким образом. Важное слово Витгенштейна, «игра», *das Spiel*, кстати, по-немецки шире, чем по-русски. *Spiel* по-немецки включает и свободный ход, и систему сложных движений (в словаре вы прочитаете). Игра его одновременно и музыкальная, и художественная. Вот этот мир поэзии, музыки, с тонкостью и сложностью, всегда у него перед глазами, в его памяти. Скажем, он чуть не сходил с ума, когда в соседней комнате кто-то играл неславно на фортепьяно, бесталанно играл, вот это его мучило. Никакая сложность игры не достаточна для соответствия сложности, тонкости мира. И опять параллель с древней мыслью: у Гераклита, как вы помните, космос — это игра божественного младенца, эона. Игра и дети. У Витгенштейна детство — особая тема, которой у меня не будет. Он, как я сказал, после

войны преподавал в школе, и у него была надежда какое-то время, что именно вот детское понимание будет... он как-то найдет у детей понимание себе. Это не очень получилось. Дети оказались просто еще не выросшими взрослыми. Похоже, что для того чтобы остаться ребенком, как удалось самому Витгенштейну, мало остаться инфантильным. Есть еще и другая сторона: надо много работать для этого, нужно много работать для того, чтобы остаться ребенком.

В языковой игре у Витгенштейна язык, по его определению, это часть человеческого организма. Слово слитно с жестом и движением, оно встроено в тело. Слово индивидуально; как я сказал, классы Витгенштейн не признаёт. Классы, как мы классифицируем, скажем, «имена собственные», «имена нарицательные», «числительные», «существительные» и так далее — это наши конструкции, наши поделки. Разумеется, если язык богатая вещь, если приложить эти категории к языку, что-то получится, можно будет заполнить эти клетки. Но к одной классификации можно прибавить другую, всякая классификация заслуживает критики, всё можно классифицировать иначе. Наши языки классифицируют совершенно иначе, чем, скажем, вьетнамский или американский. Примеры Витгенштейна, как я сказал, примитивны, иногда кажутся крайне наивными, но они страшно *действены*. Что вы скажете вот на что: один, два, три... — это числительные, не так ли? Они относятся к классу числительных. А кто-нибудь другой... (это я цитирую из «Коричневой книги», это наработки к философским исследованиям, он диктовал машинистке в Кембридже в примерно 1935–36 году). Можно сказать какое-то слово с этим числительным «один» или без него. Скажем: хозяйка собирает на стол, и ей не хватает тарелки; она с одинаковым успехом может сказать: «тарелку» или «одну тарелку». А вот с «двумя» такое не пройдет: в этом отношении «один» и «два» оказываются такими разными, что принадлежат к разным классам. «Один» может значить «нулевой», может превратиться в артикль или в нулевой артикль. «Один» может не употребляться в определенных ситуациях; «два» — обязательно (для отличия от трех, от одного). В английском языке (это уже мой пример, а не Витгенштейна) единичные вещи сопровождаются артиклем (по происхождению это слово «один» или «одна»), а русский обходится без артикля. И прекрасно обходится — та же самая мысль — без этого повторения «один». Пример снова витгенштейновский: желтый, красный, синий, черный, белый. Проходит или нет? Это слова одного класса, обозначающие цвет? Вроде бы да. Скажем, немецкий флаг... В немецком флаге черный, белый и...

не помните какой? желтый. Это явно цвет. Это *трехцветный* флаг, триколор. Да? Но тот же черный цвет, то же слово «черное», когда говорят о черноте *ночи* или *полной* черноте пещеры, где нет света — это явно не цвет. *Белый* в какой-то ситуации будет стоять в ряду цветов, а в другой ситуации — нет, не проходит. И в сущности — это его примитивные, легкие примеры, — в сущности, если задуматься, так обстоит дело с любой классификацией: в любой классификации каждый элемент классифицируемый — он индивидуальный, неповторяемый. Для чего *нужно* обращать внимание, Витгенштейну нужно обращать внимание, на то, что, строго говоря, классов нет? На фоне индивидуальности... — чем яснее проступит этот фон, чем яснее нам станет, что всё индивидуально, всё неповторимо, нет двух книжек одинакового цвета, даже если они сделаны с одной фотографии, цвет будет *немножко* разным обязательно; хотя бы потому, что одна пролежала дольше на солнце и выцвела, другая на несколько минут меньше, — ...на этом фоне, когда всё абсолютно индивидуально, яснее видно, вокруг чего строится всякая языковая игра, то есть игра именованья, называния, вызова, приказа, организации. Она строится вокруг отождествления, вокруг тождества, вокруг опознания слова или вещи как «того же самого», как «того самого» или просто «того». Мы ищем: *то* или *не то*. Да вроде бы *не то*. А вот это *то*. Не совсем, но в большей мере. И так далее. Выбор слова в *соответствии* с вещью, *узнавание* слова в речи, узнавание слова как того самого («а, ну это я знаю, это слово мне известно»), узнавание вещи как угаданной — это разные типы, разные формы отождествления, тождества. Витгенштейн говорит об особом переживании сравнения и узнавания. Например (опять из простейших его примеров), поручили нам выбрать из нескольких рулонов материала, допустим обоев, один, подходящий цветом по образцу. Образец или у нас в руках, или нам его когда-то показали; мы запомнили, какой там был цвет, теперь мы должны выбрать этот рулон. Мы смотрим образец. Вот материал. Или нет в руке материала, мы вспоминаем, нам показали. Вроде бы *то*, да? Берем этот материал ближе к свету. «Ну-ка включите там лампу, будет яснее видно». Проговариваем слова: «да, вроде бы подходит», «нет, чуть-чуть теплее». И вот через нас проходят разные образы, при этом мы думаем: «Может, этот взять материал? А как мы... Что скажут нам?» Осмысливаем предполагаемую реакцию людей, которые нам поручили отбор. Возрастает напряжение, вплоть до тревоги. Или наоборот, мы успокаиваемся, тогда облегчение и радость. Разные чувства глазного

усилия, мы пристально вглядываемся, что-то делается с глазами, напрягаем глаза. И вот если мы честно себя ведем, если мы хотим быть уже совершенно doskonaльными, всматриваемся, выбираем очень долго, то сомнения только разрастаются. Способность *точно* выбрать — мы начинаем сомневаться в этой способности; появляется соблазн сделать приблизительно, выполнить это задание приблизительно: «а, сойдет и так». Потом мы обращаем внимание на это состояние нашей неопределенности: «что с нами, собственно, происходит?» Как-то странно, мы нервничаем. «Не бросить ли всё?» На ум приходит выражение: «Что за чёрт! Что со мной происходит?» Это состояние выбора нужного цвета по образцу Витгенштейн приглашает отличить от усилий при решении *математической* задачи, там есть отчетливый конец: «я ее решил, всё». А при выборе цвета этого отчетливого, *окончательного* решения в принципе никогда не будет. Мы должны будем взять на себя... как-то срезать углы. Внезапного озарения от получения *абсолютно* окончательного результата мы не получим. Технологи цвета это знают, и они давно уже ввели несколько сот номеров для цветов. Скажем, фиолетовый это сто седьмой, какой-то оттенок фиолетового сто седьмой номер, «баклажан», цвет автомобиля. Это сделано для того, чтобы избежать бесконечного уточнения при выборе, но на самом деле сто седьмой номер включает в себя оттенки... сколько угодно оттенков. На компьютере можно выбирать — или у вас шестнадцать цветов, или сто пятьдесят шесть, или, может быть, несколько тысяч, или несколько десятков тысяч. [...]

2

[...] Или он успокоится, когда ему скажут: «Ты знаешь, это на следующем курсе. Сейчас ты пока просто не сможешь». Этого будет достаточно. Но в отношении цвета никто никогда не имеет права сказать, что эта задача нерешаемая: с одной стороны решаемая. И никто не скажет, что я здесь некомпетентен. Напряжение вокруг узнавания не понятнейшее, но в жизни мы с такой ситуацией сталкиваемся не то что на каждом шагу — мы *постоянно* в ней. Напряжение вокруг узнавания «того же самого», «того самого» или просто «того» Витгенштейн называет специфическим и уникальным. Оно складывается в каждом случае по-разному, всегда по-разному. Но уникальность при всех различиях остается вот в этих чертах. Напряжение не кончится, и мы от него не можем избавиться иначе как волевым решением. Все случаи, все виды узнавания «того самого» объединены тем, что Витгенштейн *очень* удачно называет

семейным сходством. Это такой мыслительный инструмент, который стоит у него заимствовать, «семейное сходство» — об этом подробнее я буду говорить ниже. Но из-за его важности — оно у Витгенштейна на каждом шагу — оно у него заменяет классы и обобщения. Классы он не признаёт, обобщения тоже, но семейное сходство — да. Его пример: корабль привязан пеньковым канатом к тумбам на пристани. Этот канат прочный, он выдержит что угодно. Но ведь от пристани, от тумбы на причале до корабля ни одна ниточка конопли не протянута, они все обрываются. То есть в конце каната все ниточки абсолютно другие, они *полностью* изменены. Тем не менее это *тот же самый* канат — семейное сходство. Все члены одной семьи чем-то похожи друг на друга. Чем они похожи, узнать нельзя, определить нельзя, это чувствуется.

Эта тема познания, узнавания — для меня это подготовка к теме языковой игры. Они пересекаются, она связана вот с какой другой. У Витгенштейна не раз цитируется Августин. Ну вот известно много раз им цитируемое замечание Августина о времени. Пока мы говорим (назначая время встречи и так далее) о времени, всё в порядке — пока мы не спросили, *что* оно такое. Тут начинается проблема, оказывается, что мы этого не знаем. Или в начале тех же «Философских исследований» Витгенштейн цитирует Августина о том, как ребенок учится языку. Взрослые жестом, тоном, поведением, поступками сопровождают свои слова произносимые; часто, когда обучают детей, нарочно делают голос более выразительным; и так ребенок начинает догадываться, *что* значит каждое слово. Это особенно просто, когда на вещь можно показать. Есть вещи, на которые показать нельзя, но тогда помогают тон, поведение близких людей. Но вот еще одна мысль Августина, менее обычная. Вернее, даже два тезиса, еще два, которые пересекаются с мыслями Витгенштейна. Это из диалога Августина «Об учителе» («De magistro»). Диалог издан в 98-м году — «Памятники средневековой латинской литературы IV–VII веков»¹¹. Диалог Августина со своим сыном (рано умерший сын Адеодат, *от Бога данный*, одаренный мальчик) о том, как мы учимся. Вроде бы мы учимся от учителя, который нам говорит слова, знаки. Так начинается этот диалог. Потом постепенно оказывается, что нет, вроде бы дело не в словах, а в том, о чем они. Насколько ниже надо ценить слова, чем то, ради чего мы ими пользуемся? Конечно, употребление слов надо предпочесть самим словам. Это

¹¹Перевод диалога Аврелия Августина «Об учителе» в сборнике «Памятники средневековой латинской литературы IV–VII веков» выполнен В. Бибихиным.

Витгенштейн. Он никогда не рассматривает слово отдельно как лингвистическую единицу, как класс тем более. Для него слово — это всегда то, с чем оно в жизни, в истории ассоциируется: что делают, когда слышат это слово, или наоборот, что перестают делать. Слова существуют, чтобы ими пользовались, а пользуемся мы ими (это всё у Августина), чтобы учить, показывать, объяснить. Также и... — это вот одна мысль Августина, на которую стоит обратить внимание, пересечение с Витгенштейном. Другое интересное. Для Витгенштейна в принципе слова без работы слова нет, без включения в языковую игру, а она, с одной своей стороны, это деятельность, поступки. Но вот что у Августина по ходу этого диалога проясняется немножко необычно, против принятого, очевидного, что научение идет через знаки, что знаки — это удобные инструменты. Они, например, удобны тем, что ужасное, непонятное, безобразное, прикоснуться к которому было бы страшно, неприлично, неудобно — мы к ним прикасаемся словами. (Скажем, сам порок... некоторые пороки настолько безобразны, что глаза отворачиваешь... — или смерть, убийство... Как у человека, который снимал одиннадцатого сентября прошлого года людей, которые падают из окон, бросаются, собственно, от тысячеградусной жары — невозможно не прыгнуть в окно, когда внутри двухтысячеградусная жара. И там голос: «Не снимайте!») Но вот *какое* это слово. Осторожное слово поэта или философа умеет проникнуть в этот ужас. Слово — это такой инструмент, которым можно оперировать то, с чем тело соприкоснуться не может. Это да, это всё так, — говорит Августин. Слова, погружаясь в ужас, в безобразии, сами остаются чистыми, непорочными, да. И всё-таки наука о вещах важнее, чем наука о знаках, это да. И после этого Августин говорит своему сыну:

А что ты думаешь вот о чем: не так ли обстоит дело, что вещи *сами* дают о себе знать раньше, чем о них говорят? То есть что знаки только сопровождают очевидность, наполняются от нее смыслом, а не наоборот? Что вещи без всякого подания знака кажут сами себя? Так что люди учатся скорее знаку по узнанной вещи, чем вещи по данному знаку¹².

¹²В данном месте В. Библихин ссылается на рассуждение Аврелия Августина в диалоге «Об учителе». Можно сравнить с отрывком из самого диалога (Памятники средневековой латинской литературы, 1998: 196): «Прилежно всматриваясь, пожалуй ничего не найдешь, чему бы научились через знаки. В самом деле, когда подаваемый мне знак настигает меня не знающим, чего он знак, он ничему научить меня не может; а если знающим, зачем мне учиться через знак? Ведь слово не кажет мне обозначаемую вещь, когда я читаю: „И сарабаллы их не изменились“ (Дан. 3:94). Ибо если этим именем называются какие-то покрывала для головы, то разве, услышав это слово, я научаюсь знать, что такое голова

Вот это переворачивание — что всё на самом деле происходит незаметно для нас и мы замечаем знаки уже после, *post factum*, когда главное уже произошло, знак сопровождение того, что случилось быстро, внезапно и ранее — здесь Августин совпадает с тем, что у Витгенштейна одно из главных. Еще раз прочитаю, чтобы расстаться с Августином, эту мысль:

Знаки самое большое только подталкивают искать вещи, не развертывая их до познания. Так что от слов мы учимся только словам, обо всём понимаемом нами мы совещаемся не с говорящим, который звучит извне, но с правящей внутри самого нашего ума истиной, а слова, возможно, лишь склоняют нас, подталкивают нас совещааться с этой истиной. Мы носим образы ранее ощущавшихся вещей в недрах памяти, некие свидетельства, выговаривая которые в духовном созерцании с чистой совестью мы не лжем, но свидетельства эти в нас: слушатель, если чувствовал то же и был с нами, не научается из моих слов, он опознаёт образы, им тоже унесенные с собой¹³.

или что такое покрывала? я и раньше это знал, и понятие о них у меня складывается не когда их называют другие, а когда я их вижу. Когда эти три слога, *голова*, впервые задели мой слух, я так же не знал их значения, как и впервые услышав и прочтя *сарабаллы*. Но часто слыша *голова*, примечая и обращая внимание на говоримое, я обнаружил, что это именование вещи, мне по виду уже известнейшей. Пока я это не обнаружил, слово было мне пустой звук; видеть в нем знак я научился, когда обнаружил, какой он вещи знак; а вещи, как сказал, я научился не через значение, а через ее вид. Так что учатся скорее знаку по узанной вещи, чем вещи по данному знаку».

¹³В данном месте В. Биbihин ссылается сразу на несколько рассуждений Аврелия Августина в диалоге «Об учителе». Можно сравнить: «Здесь кончается сила слов, которые самое большое лишь подталкивают искать вещи, не развертывая их для познания. Учит же меня чему бы то ни было тот, кто либо зрению, либо другому телесному чувству, либо также и самому уму доставляет то, что я хочу познать. Так что от слов мы учимся только словам, вернее, звуку и шуму слов; в самом деле, если то, что не знак, не может быть словом, то хотя слово уже услышано, я не знаю, что оно слово, пока не узнаю его значение. Таким образом, с познанием вещей совершенствуется и познание слов; при слышании же слов мы и словам не научаемся. Ведь не известным же словам мы учимся, а неизвестные выговариваем явно не раньше чем схватим их значение, что случается не от слышания издаваемых звуков, но от познания обозначаемых вещей. Всего вернее, пожалуй, считать и всего надежнее говорить, что мы или знаем, или не знаем значения произносимых слов, и если мы знаем, то скорее припоминаем чем научаемся, а если не знаем, то конечно и не припоминаем, а может быть побуждаемся к исканию» (Памятники средневековой латинской литературы, 1998: 198); «И обо всём понимаемом нами мы совещаемся не с говорящим, который учит извне, но с правящей внутри самого нашего ума истиной, словами, возможно, увещаемые совещааться с нею» (там же: 199); «Но когда вопрос не о том, что мы чувствуем рядом, а о том, что чувствовали когда-то, то мы говорим уже не сами вещи, а образы, запечатленные ими и вверенные памяти; тут вообще не знаю, как мы можем называть их истинными, раз видим их ложность; разве что сообщая, что не видим и не ощущаем, а видели и ощущали их. Так мы носим образы ранее ощущавшихся вещей в недрах памяти, некие свидетельства, выговаривая которые в духовном созерцании

Это цитированное мной предупреждение Витгенштейна — его может понять только тот, кто уже задумывался о чем-то подобном, о том же самом или о чем-то подобном. Это тема... — я сегодня кончу немножко раньше — эта тема для следующего раза, и надеюсь, что вы возьмете что-нибудь из Витгенштейна, хотя бы вот эти книжки, не очень хорошо переведенные, или двуязычное издание. Надеюсь на это, я сейчас только, забегая вперед, скажу, о чём я буду говорить в следующий раз. [...] Первая тема из тех, которые в следующий раз, это вот эта, которую я назвал: обратить внимание вместе с Витгенштейном на то, как *много* успеваешь произойти до того, как звучит слово. Слово всегда приходит, падает уже на подготовленную почву, его ждут, примерно знают, какое оно будет. Слово *не вводит* вещь, вещь как-то успеваешь случиться, событие вещи успеваешь раньше, чем звучит слово. И в связи с этим другая тема на следующий раз — слово как имя и именность. Чем создается именность, чем создается выделение вещи, о которой мы говорим, — словом, как считают лингвисты, или чем-то другим.

ЛИТЕРАТУРА

- Бибихин В. В.* Л. Витгенштейн: попытка понимания : [аудио-записи курса лекций, прочитанного в 2002–2003 гг. в Московском государственном университете им. Ломоносова (Москва)] / Владимир Бибихин. — 2002–2003. — URL: <http://bibikhin.ru/2033/page/8> (дата обр. 31 янв. 2021).
- Бибихин В. В.* Витгенштейн : лекции и семинары 1994–1996 годов. — СПб. : Наука, 2019.
- Монк Р.* Людвиг Витгенштейн. Долг гения / под ред. В. Анашвили ; пер. А. Васильевой. — М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019.
- Памятники средневековой латинской литературы IV–VII веков : сборник переводов / под ред. С. С. Аверинцева, М. Л. Гаспарова. — М. : Наследие, 1998.

с чистой совестью мы не лжем, но свидетельства эти в нас: слушатель, если чувствовал то же и был с нами, не научается из моих слов, а опознает образы, им тоже унесенные с собой; если же не чувствовал, кто не поймет, что он скорее верит чем научается от слов?» (Памятники средневековой латинской литературы, 1998: 200)

Bibikhin, V. 2021. "L. Vitgenshteyn: popytka ponimaniya [L. Wittgenstein: An Attempt at Understanding]: vvodnaya leksiya (10.09.2002) [Introductory Lecture (Sep. 10, 2002)]" [in Russian]. With an intro. by V. D. Yarovova. Publ. and annot. by V. D. Yarovova. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 5 (1), 182–200.

VLADIMIR BIBIKHIN

L. WITGENSTEIN: AN ATTEMPT AT UNDERSTANDING
INTRODUCTORY LECTURE (SEP. 10TH, 2002)

Publication of: Bibikhin, V. V. 2002–2003. "L. Vitgenshteyn: popytka ponimaniya [L. Wittgenstein: An Attempt at Understanding]: [audio-zapisi kursa leksiy, pročitannogo v 2002–2003 gg. v Moskovskom gosudarstvennom universitete im. Lomonosova (Moskva)] [[Audio Recording of the Lecture Course Held at the Lomonosov Moscow State University in 2002–2003]]" [in Russian]. Vladimir Bibikhin. Accessed Jan. 31, 2021. <http://bibikhin.ru/2033/page/8>. Lecture (Sep. 10, 2002). Parts 1 and 2.

DOI: 10.17323/2587-8719-2021-1-182-200.

REFERENCES

- Averintsev, S. S., and M. L. Gasparov, eds. 1998. *Pamyatniki srednevekovoy latinskoj literatury IV–VII vekov [Monuments of Medieval Latin Literature of the IV–VII Centuries]: sbornik perevodov [A Collection of Translations]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Nalediye.
- Bibikhin, V. V. 2019. *Vitgenshteyn [Wittgenstein]: leksii i seminarj 1994–1996 godov [Lectures and Seminars. 1994–1996]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- Monk, R. 2019. *Lyudvig Vitgenshteyn. Dolg geniya [Ludwig Wittgenstein. The Duty of Genius]* [in Russian]. Ed. by V. Anashvili. Trans. by A. Vasil'yeva. Moskva [Moscow]: Izdatel'skiy dom "Delo" RANKhiGS.